

КРИТИКА И БИБЛIOГРАФІЯ.

**Die Philosophie der Mystik, von D. Carl du Prel.
Leipzig, 1885. VIII, 548.**

(Філософія мистики, Карла Дюпредля. Лейпцигъ. 1885 г.).

Авторъ этой книги уже давно извѣстенъ въ Германіи по нѣсколькимъ сочиненіямъ, какъ напр.: „Entwicklungsgeschichte des Weltalls 3 Auflage 1882 *); Die Planetenbewohner und die Nebularhypothese 1880“ и другими. Сочиненія эти отличались интереснымъ содержаніемъ философскаго характера, живостью и удобопонятностью изложения и серьезностью обработки. Тѣ же свойства обнаруживаетъ и „Філософія мистики“.

Сочиненіе это, какъ объясняетъ авторъ въ предисловіи, есть отвѣтъ на вопросъ: „всесвѣто ли содержится наше я въ самосознанії?“ Книга отвѣчаетъ на это отрицательно и пытается доказать, что есть особая область, лежащая за границей нашего самосознанія, что есть еще другое я, которое не сознаетъ себя таковымъ, но которое тѣмъ не менѣе составляетъ основу для психическихъ явлений, относимыхъ къ области мистики. Эти явленія, по автору, должны стать предметомъ серьезного изученія, вслѣдствіе чего мы много подвинемся къ разрешенію труднѣйшихъ и важнѣйшихъ вопросовъ, касающихся не только человѣка, но и цѣлаго міра.

*) Это сочиненіе, вышедшее въ I-мъ изданіи подъ заглавиемъ: „Борьба за существование на небѣ“, было переведено и на русскій языкъ въ теперь прекратившемся журналѣ: „Знаніе“.

Въ введеніи Дюпрель ставить вопросъ: „идетъ ли духовный прогрессъ только въ ширину, или же и въ глубину? и способствуетъ ли онъ разъясненію загадки міра?“ (3).

Оба вопроса разрѣшаются Дюпрелемъ положительно. Въ обѣихъ областяхъ человѣческаго познанія, мірѣ и человѣкѣ, каждый успѣхъ возбуждаетъ новыя задачи, рѣшеніе которыхъ становится все труднѣе, ибо основанія для этого рѣшенія оказываются лежащими все глубже и глубже. Но это понятно только многознающимъ и мыслящимъ изслѣдователямъ; большинство же поверхностныхъ посредственостей думаетъ, что всѣ важнѣйшія загадки міра и человѣка разрѣшены и что въ будущемъ прогрессъ знанія возможенъ только въ ширину. Поэтому въ наше время легкое отношение къ міровымъ проблемамъ и отсутствіе потребности въ метафизикѣ обнаруживаются болѣе, чѣмъ когда либо прежде, и уже заразили народное сознаніе, о чёмъ свидѣтельствуетъ отсутствіе религіозности въ массахъ“. (11).

Все сочиненіе Дюпреля, сообразно вышепоставленному въ предисловіи вопросу, можетъ быть раздѣлено на двѣ части. Одна заключаетъ явленія, свидѣтельствующія о существованіи нашего я въ области, находящейся за границей обыкновенного самосознанія, а другая психологические и метафизические выводы изъ этихъ явленій.

Къ явленіямъ, изслѣдованіе которыхъ можетъ пролить новый светъ на человѣка и міръ, а вмѣсть съ тѣмъ повести и къ болѣе глубокому взорѣнію на проблемы, къ нимъ относящіяся, Дюпрель причисляетъ преимущественно *сонъ, сомнамбулизмъ* и соединенную съ ними *цѣлебную способность*.

Сонъ, по автору, есть выраженіе совершенно иной области нашего я, чѣмъ бодрственное состояніе, выраженіе, выступающее именно тогда, когда ослабляется и понижается дѣятельность нашего обыкновенного чувственного сознанія. Сновидѣніе вовсе не есть только отраженіе и остатокъ этого сознанія, а напротивъ выраженіе нашихъ отношеній и связи съ тѣми сторонами природы, которыхъ недоступны для дневного сознанія, а потому и остаются для него (т. е. относительно) безсознательными. Поэтому и органъ сна, по Дюпрелю, не головной мозгъ, органъ чувственного сознанія, а, вѣ-

роятно, гангліозная нервная система и ея главный органъ, солнечное сплетение. Но обыкновенно сны, имѣющіе значеніе, какъ выраженіе нашего расширенного сознанія, именно, глубокіе сны, не вспоминаются, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, которые и имѣютъ высокую цѣнность, такъ какъ вскрываютъ область, недоступную нашему обыкновенному сознанію.

Важнейшія доказательства отличія сна отъ обыкновенного сознанія Дюпурль беретъ изъ смѣшанной области, средней между сномъ и бодрственномъ жизнью, когда доходятъ кое-какія впечатлѣнія изъ внѣшняго міра, но фантастически истолковываются въ сонномъ представлении. Многочисленные примѣры, приводимые въ главѣ III показываютъ, что психологическая мѣра времени въ теченіи представлений во снѣ совершенно иная, чѣмъ въ бодрственномъ состояніи *). „Человѣкъ имѣеть двойное сознаніе, эмпирическое съ его физиологическою мѣрою времени и трансцендентальное съ его особенною мѣрою времени. Иначе говоря, наше нормальное самосознаніе съ его физиологическою мѣрою времени есть только одна изъ формъ нашего самосознанія и не исчерпываетъ *нашего я*“. (79). Другіе примѣры, приводимые авторомъ, относятся къ факту драматического распаденія нашего я во снѣ, где мы дѣлимъ се-бя на двухъ и нѣсколько разговаривающихъ, спорящихъ, враждую-щихъ, соперничающихъ лицъ, актера и зрителя и т. п., при чемъ, напр., одно изъ этихъ лицъ не знаетъ того, что знаетъ другое **).

*) Всѣ эти примѣры касаются факта, известного каждому изъ собственного опыта, что когда мы просыпаемся отъ какой либо внѣшней причины (раздраженія какого либо части тѣла, укола насѣкомыхъ, давленія и т. п.) то впечатлѣніе этой причины бываетъ въ сонномъ сознаніи послѣднимъ звѣномъ цѣлаго длиннаго ряда событий, которыя занимаютъ во снѣ цѣлые часы и дни и которыя для описанія ихъ въ бодрственномъ состояніи потребуютъ значительного времени, а между тѣмъ объективно этотъ рядъ занимаетъ одно мгновеніе. Аналогичны съ этимъ рассказы спасенныхъ утопавшихъ, что передъ ними проходитъ въ одно мгновеніе вся ихъ жизнь съ мельчайшими подробностями.

**) Напр. въ спорѣ или въ довольно обычномъ сновидѣніи экзамена у людей, не рѣдко подвергавшихся ему въ жизни. Въ такихъ случаяхъ

роятно, гангліозная первнаа система и ея главный органъ, солнечное сплетение. Но обыкновенно сны, имѣющіе значеніе, какъ выраженіе нашего расширенного сознанія, именно, глубокіе сны, не вспоминаются, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, которые и имѣютъ высокую цѣнность, такъ какъ вскрываютъ область, недоступную нашему обыкновенному сознанію.

Важнѣйшія доказательства отличія сна отъ обыкновенного сознанія Дюпель беретъ изъ смѣшанной области, средней между сномъ и бодрственную жизнью, когда доходятъ кое-какія впечатлѣнія изъ вѣнчнаго міра, но фантастически истолковываются въ сонномъ представлениі. Многочисленные примѣры, приводимые въ главѣ III показываютъ, что психологическая мѣра времени въ теченіи представлений во снѣ совершенно иная, чѣмъ въ бодрственномъ состояніи *). „Человѣкъ имѣеть двойное сознаніе, эмпирическое съ его физиологическою мѣрою времени и трансцендентальное съ его особеною мѣрою времени. Иначе говоря, наше нормальное самосознаніе съ его физиологическою мѣрою времени есть только одна изъ формъ нашего самосознанія и не исчерпываетъ *нашего я*“. (79). Другіе примѣры, приводимые авторомъ, относятся къ факту драматического распаденія нашего я во снѣ, гдѣ мы дѣлимъ се-бя на двухъ и нѣсколько разговаривающихъ, спорящихъ, враждую-щихъ, соперничающихъ лицъ, актера и зрителя и т. п., при чѣмъ, напр., одно изъ этихъ лицъ не знаетъ того, что знаетъ другое **).

*) Всѣ эти примѣры касаются факта, известнаго каждому изъ собственнаго опыта, что когда мы просыпаемся отъ какой либо вѣнчнай причины (раздраженія какого либо части тѣла, укола насѣкомыхъ, давленія и т. п.) то впечатлѣніе этой причины бываетъ въ сонномъ сознаніи послѣднимъ звѣномъ цѣлаго длиннаго ряда событий, которыя занимаютъ во снѣ цѣлые часы и дни и которыя для описанія ихъ въ бодрственномъ состояніи потребуютъ значительного времени, а между тѣмъ объективно этотъ рядъ занимаетъ одно мгновеніе. Аналогичны съ этимъ рассказы спасенныхъ утопавшихъ, что передъ ними проходитъ въ одно мгновеніе вся ихъ жизнь съ мельчайшими подробностями.

**) Напр. въ спорѣ или въ довольно обычномъ сновидѣніи экзамена у людей, не рѣдко подвергавшихся ему въ жизни. Въ такихъ случаяхъ

Это распадение можетъ дать ключъ, по автору, вмѣсто огульного отрицанія, къ объясненію многихъ исторій о духовидѣніяхъ, предсказаніяхъ и т. п. Какъ во снѣ одно лицо распадается на два, такъ и въ духовидѣніи можетъ быть такое же распаденіе, но только я, приписываемое духу, трансцендентально по отношенію къ я обыкновенного сознанія, хотя и имѣеть общий центръ съ нимъ.

Далѣе Дюпрель переходитъ къ естественному сомнамбулизму, въ которомъ онъ видѣтъ только интенсивнѣйшій сонъ, а потому въ нѣмъ еще глубже раскрывается область трансцендентального я, при сравнительномъ прекращеніи сознанія эмпирическаго я. Это трансцендентальное я и обнаруживаетъ свою болѣе глубокую связь съ природою вещей въ удивительныхъ познаніяхъ о болѣзни собственного, а иногда и чужого организма, о ея развитіи и средствахъ къ ея исцѣленію.

Главную особенность сомнамбулизма видѣтъ Дюпрель въ ясновидѣніи, которое освобождаетъ сознаніе отъ формъ пространства и времени. Еще выше, по автору, искусственный сомнамбулизмъ, производимый вліяніемъ магнетизера, потому что въ магнитическомъ снѣ внутреннее пробужденіе еще яснѣе и совереннѣе и психическая способности сомнабулы являются чище и интенсивнѣе" (135—6). Приводя различные факты изъ области искусственного сомнамбулизма, Дюпрель останавливается на распространенномъ и все снова и снова повторяемомъ противниками сомнамбулизма, въ видѣ непреложной истины, мнѣніи, что явленія, производившіяся въ концѣ XVIII вѣка знаменитымъ Месмеромъ, были признаны парижской Академіей за сумасбродство. На основаніи выписокъ изъ подлинныхъ донесеній ученой комиссіи, Дюпрель заключаетъ, что отзывъ Академіи былъ скорѣе въ пользу необычайности и чудесности фактъ месмеризма. Далѣе онъ доказываетъ также, что и позднѣйшія изслѣдованія сомнамбулизма во Франціи тою же академіей или учеными обществами (въ 1820—21, 1825, 1831) были также въ пользу его дѣйствительности.

экзаменующійся во снѣ, къ стыду своему, видѣть, что онъ не можетъ отвѣтить на вопросы, которые тутъ же его товарищъ (другое я) разрѣшаетъ легко и свободно.

Факты искусственного сомнамбулизма, по Дюпрелю, даютъ „убѣдительнѣйшее доказательство въ томъ, что по мимо чувственно воспринимаемаго есть другой порядокъ вещей и что мы, сами люди, включены въ этотъ трансцендентальный порядокъ тою стороною нашего субъекта, которая недоступна для сознанія нашего чувственного я. Сомнамбулизмъ доказываетъ, что Шопенгауэръ и Гартманъ правы, полагая въ основу человѣческаго феномена волю и безсознательное; но онъ доказываетъ также и то, что эта воля не слѣпая и что то, что безсознательно для нашего я, не безсознательно само по себѣ и что между міровою субстанціею и нами должно признать бытіе посредствующаго трансцендентальнаго субъекта, существа хотящаго и познающаго, и что, слѣдовательно, индивидуальность человѣка выходитъ за предѣлы теперешней формы явленій, т. е., что наше земное бытіе есть только одна изъ возможныхъ для нашего субъекта формъ бытія". (15, 8). Существованіе этого трансцендентальнаго субъекта и болѣе глубокая связь его съ послѣдними основами міра всего болѣе доказывается, по Дюпрелю, врачебною способностью его, обнаруживаемою какъ вообще во снѣ, такъ и особенно въ сомнамбулизмѣ. Когда ослабѣваетъ и прекращается наше чувственное сознаніе, созидающее представленія подъ влияниемъ чувственныхъ впечатлѣній, тогда пробуждается внутреннее сознаніе, обнаруживающееся въ сонныхъ представленіяхъ. Подобно тому, какъ наши бодрственныя представлениія развиваются отъ возбужденій чувствъ, и эти сонные образы имѣютъ свой особый источникъ, а именно возбужденія отъ внутренняго состоянія нашего организма. Въ слѣдствіе этого сонные образы могутъ быть симптомами внутреннихъ состояній спящаго, симптомами его болѣзни и здоровья, а слѣдовательно служить болѣе тонкимъ средствомъ для врачебной діагнозы, чѣмъ пульсъ, состояніе языка и т. под. Не даромъ древніе врачи (Галенъ и проч.) таکъ цѣнили сонъ, какъ средство діагнозы; да и въ новое время есть авторитеты, (напр. Маудсли) которые говорятъ, что „иногда сонъ можетъ имѣть пророческое значеніе относительно состоянія тѣла“. Это особенно можетъ быть въ „инкубационный періодъ“ многихъ болѣзней, который не обнаруживается никакими признаками для сознанія.

Въ подтверждение этого мнѣнія Дюпрель приводить массу примѣровъ, гдѣ не только сны, но даже галлюцинаціи указывали на вскорѣ обнаруживавшееся болѣзненное состояніе организма и приходить къ заключенію, что новое врачебное искусство гораздо расширилось бы, если бы сны принимались въ разсчетъ при діагнозѣ. Но, конечно, для этого потребно было бы востановить бывшее въ ходу у древнихъ искусство снотолкованія, ибо повышенная ощущенія отъ больныхъ органовъ, а также и причина болѣзни указывается во снѣ не прямо, а въ символическихъ образахъ.

Органомъ сна и соннамбулизма въ этомъ случаѣ служить фантазія, хотя здѣсь ея дѣятельность отличается отъ способа дѣятельности въ бодрственномъ состояніи. Въ соннамбулизмѣ способность внутренняго самосозерцанія обнаруживается преимущественно въ формѣ драматического распаденія личности: у древнихъ при храмахъ врачающее трансцендентальное я являлось въ лицѣ Эскулапа, Аполлона и пр. Нашъ субъектъ распадается на два лица, которые сами по себѣ не различны и раздѣлены только порогомъ ощущенія, черезъ который въ драматической формѣ они какъ бы переговариваются. Эмпирически чувственное сознаніе имѣеть свою границу, въ которой способность ощущенія и исчерпывается физиологической психологіей; за этимъ порогомъ находится другая область исчерпывающаяся своимъ трансцендентальнымъ сознаніемъ. Эта область уже не имѣеть границъ съ нашей точки зрѣнія и находится въ болѣе тѣсной связи съ природою вещей. По причинѣ этой связи сонъ и особенно соннамбулизмъ обнаруживаетъ свою силу не только въ діагнозѣ и прогнозѣ болѣзни, но и въ исцѣленіи. Эту цѣлительную силу однако не должно понимать только въ томъ смыслѣ, что во снѣ вообще лучше совершается физиологический процессъ возстановленія тканей или нарушенныхъ отправленій организма, но и въ томъ, что трансцендентальный субъектъ сна объективно представляетъ состояніе организма, дѣятельность органическаго процесса и цѣлительныя силы и средства природы. Въ слѣдствіе же глубокой связи соннамбулизма со всемъ природою происходитъ и то, что соннамбула не только изцѣляеть

себя самого, но узнаетъ чужія болѣзни, ихъ причины и цѣлительные противъ нихъ средства *).

Въ явленіи такъ называемаго сенситивнаго сомнамбулизма, это совпаданіе трансцендентальнаго я сомнамбулы съ чужимъ я заходить такъ далеко, что онъ не только узнаетъ чужую болѣзнь, но самъ чувствуетъ ее со всѣми ея симптомами.

Далѣе Дюпрель переходитъ къ цѣлебному значенію магнетизма, или искусственнаго сомнамбулизма, и защищаетъ его отъ тѣхъ, которые, не находя объясненія фактамъ магнетизма, отвергаютъ его возможность. По Дюпрелю, цѣлебныя предписанія сомнамбуль въ магнитическомъ снѣ не могутъ быть объяснены ни сознательными соображеніями самого сомнамбулы, ни передачею ему сознательныхъ соображеній врача-магнетизера, а только ясновидящимъ инстинктомъ сомнамбулы. Положеніе это подкрѣплено у автора многими фактами. Общій результатъ изслѣдованія врачебной способности сна и сомнамбулизма Дюпрель выражаетъ въ слѣдующемъ краткомъ заключеніи: „наше нормальное самосознаніе не исчерпываетъ своего предмета, т. е., наше собственное существо; оно обнимаетъ только одно изъ лицъ нашего субъекта. Человѣкъ есть единое и вмѣстѣ съ тѣмъ двойственное существо: единое, какъ субъектъ, двойственное, какъ лица. Споръ между монистами и дуалистами облегчается тѣмъ, что альтернатива: либо-либо (entweder, oder) разрѣшается въ

*) Не имѣя возможности выписывать примѣры, приводимые въ обилії Дюпрелемъ, мы укажемъ на одинъ весьма характеристичный на стр. 203. По разсказу президента высшей консисторіи въ Мюнхенѣ (значить, лица изъ образованнаго духовенства) Гарлесса, когда серьезно заболѣла его жена болѣзнью спиннаго мозга въ Лейпцигѣ, то одинъ изъ друзей, профессоръ Линднеръ, въ Дрезденѣ совѣщался обѣ этой болѣзни съ одной сомнамбулой. При этомъ оказалось, что на основаніи указаннаго Линднеромъ признака дома, въ которомъ находилась больная въ Лейпцигѣ, сомнамбула перенеслась „въ духѣ“ въсосѣдній городъ, описала домъ, комнату и платье больной, которую „видѣла“ въ припадкѣ на софѣ, угадала причину болѣзни (простуду) и слѣдующее за тѣмъ выздоровленіе. Заимствовано изъ сочиненія Гарлесса: „Bruchst cke aus dem Leben eines s ddeutschen Theologen“.

совмѣстность: съ одной стороны—съ другой стороны (какъ-такъ, Sowohl-als-auch. стр. 279)“.

Теперь укажемъ на вторую часть книги Дюпреля, на выводы, относящіеся къ психологіи и метафизикѣ.

На основаніи различія между эмпирическимъ или чувственнымъ и трансцендентальнымъ я, преобразуется психологическое понятіе *воспоминанія и забвенія*. Такъ какъ въ состояніяхъ сна и соннамбулизма воспроизводятся такія представленія, которыя абсолютно забыты въ нормальномъ самосознаніи, то отсюда должно заключить, что область нашей памяти гораздо шире, чѣмъ это кажется*). Возможность воспоминанія ограничена только для эмпирическаго чувственного сознанія, но безгранична для трансцендентального, такъ что для цѣлаго нашего я не существуетъ забвенія. Наша возможность воспроизведенія представлений и ихъ воспоминанія въ нормальномъ, бодрственномъ сознаніи стоитъ въ тѣсной зависимости отъ воли; что для насъ не имѣеть интереса, то не сохраняется въ памяти; въ состояніяхъ же сна память не только повышается въ своей силѣ, но и эманципируется отъ воли. Повышение же силы памяти во снѣ не только не происходитъ, но и не можетъ происходить отъ физиологическихъ его свойствъ. Оно имѣеть причину въ томъ, что съ понижениемъ или исчезновенiemъ обыкновенного сознанія, выступаетъ и разширяется трансцендентальное, такъ что они

*) Всѣмъ извѣстны изъ разсказовъ и изъ собственнаго опыта безчисленныя случаи воспоминанія во снѣ, (особенно въ драматической формѣ явленія какого либо лица напоминающаго забытое) о безвозвратно, по видимому, забытыхъ лицахъ, отношеніяхъ, словахъ, дѣлахъ, иногда чрезвычайно важныхъ бумагахъ (квитанціяхъ) и т. п. Къ этой области относятся напр. извѣстный разсказъ Карпентера объ одномъ слугѣ, который еще въ дѣствїи оставилъ свою родину Уельсъ и такъ основательно забылъ родной языкъ, что совсѣмъ не понималъ своихъ соотечественниковъ, но въ горячкѣ онъ вдругъ заговорилъ по валлійски, и забылъ снова этотъ языкъ по выздоровленіи. Сюда же относится разсказъ Deleuse'a объ одной сороколѣтней дамѣ, которая привезена была ребенкомъ во Францію изъ С. Доминго: въ состояніи соннамбулизма она только и говорила, что на діалектѣ той негритянки, которая была ея няней, (стр. 304, 305).

относятся другу къ другу, какъ двѣ чашки вѣсовъ, когда одна повышается, по мѣрѣ того какъ опускается другая. Отъ этого повышается сила памяти во снѣ не только по количеству воспроизведенійъ представленій, но и по качеству, т. е., что они отличаются чрезвычайной ясностью и свѣжестью, не смотря на то, что иногда принадлежать къ области отдаленного прошедшаго. Если вообще во всякихъ состояніяхъ, соединенныхъ съ пониженіемъ нормального сознанія (горячка, наркозъ, сонъ и пр.), обнаруживается повышеніе памяти, то всего болѣе это оказывается въ сомнамбулизмѣ. Пониженіемъ нормального сознанія объясняются и извѣстные факты чудесной способности воспоминанія у умирающихъ, которые въ одинъ моментъ вспоминаютъ и обозрѣваютъ до малѣйшихъ подробностей всю свою жизнь. Всѣ эти явленія трансцендентальнаго сознанія, говоритъ Дюпрель, „побуждаютъ насъ къ заключенію, что слово: забвеніе, нужно понимать относительно, что все когда либо испытанное можетъ быть снова воспроизведено, ибо забвеніе есть только переходъ изъ чувственного сознанія въ трансцендентальное, которое и приноситъ свое содержаніе въ той мѣрѣ, въ какой обнаруживается“.(320).

Но силъ и живости воспоминанія во снѣ нисколько не препятствуетъ то, что мы трудно вспоминаемъ наши сны. Это соответствуетъ общему закону нашего воспоминанія, по которому мы безсвязное въ причинномъ отношеніи и неимѣющее для нашего обычного сознанія интереса быстро забываемъ, а сны именно и отличаются этими свойствами. Это подтверждается тѣмъ, замѣченнымъ многими, фактъмъ, что чѣмъ интереснѣе для насъ сны, тѣмъ они легче вспоминаются, отъ некоторыхъ же, особенно глубокихъ сновъ воспоминаніе остается только въ видѣ радостнаго или печальнаго настроенія, овладѣвающаго нами послѣ сна и въ которомъ мы не можемъ себѣ дать отчета. Но такъ какъ содержаніе сомнамбулическаго или магнетическаго сна много расходится съ содержаніемъ ежедневнаго сознанія, то, по тому же закону, естественно, что пробуждающійся отъ этого сна совершенно ничего не помнить изъ него. Тутъ собственно нѣть забвенія, а есть только разнородность сознаній эмпирическаго и трансцендентальнаго, которыхъ совершенно чужды другъ другу. Эта разнородность сознанія ярко подтверждается, по Дюпрелю, фактами *смѣняющаюся двой-*

иою сознанія. Факты эти весьма разнообразны. Такъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ одномъ лицѣ какъ бы смѣняются два лица, которые имѣютъ отдельное и особенное содержаніе сознанія, связанное между собою воспоминаніемъ, но такъ что эти содержанія совершенно чужды другъ другу и не соприкасаются въ общихъ пунктахъ, или одно лицо продолжаетъ жить дѣйствительно текущею жизнью, другое же возвращается къ какому либо моменту своего прошедшаго и съ нимъ связываетъ текущее настоящее *).

*) Для примѣра возьмемъ случай, который „приводить извѣстный голландскій психіатръ Шредеръ-ванъ-деръ-Колькъ о двадцатилѣтней дѣвушкѣ, которая послѣ продолжительной болѣзни впала въ замѣчательное состояніе, продолжавшееся четыре года. Утромъ, при пробужденіи происходило съ нею въ опредѣленный часъ нѣчто въ родѣ пляски св. Вита, при чѣмъ больная ударяла въ тактъ руками на право и на лѣво. Это продолжалось около получаса, послѣ чего она приходила снова въ себя, но вела себя совершенно какъ ребенокъ. На слѣдующій день тѣ же судороги возобновлялись, и вслѣдъ за тѣмъ больная держала себя уже какъ благовоспитанная дѣвушка. Она хорошо говорила по французски и по нѣмецки и обнаруживала большую начитанность. Она не имѣла никакого воспоминанія о только что прошедшемъ днѣ, въ памяти ея существовалъ только послѣдній, такъ называемый свѣтлый день. Въ тѣ, дни когда она находилась въ состояніи дѣтства, она начала снова изучать французскій языкъ и не дѣлала быстрыхъ успѣховъ, хотя во время своихъ свѣтлыхъ дней говорила на немъ свободно. Шредеръ посѣщалъ эту больную въ теченіи четырнадцати дней только во время ея ребяческихъ дней. Когда онъ въ первый разъ пришелъ въ одинъ изъ ея свѣтлыхъ дней, то показался ей совершенно чужимъ человѣкомъ и она никакъ не могла вспомнить, чтобы когда либо его видѣла. Эти перемѣны наступали такъ правильно въ теченіи четырехъ лѣтъ, что можно было по нимъ ставить часы. Въ это время дѣвушка разъ заболѣла перемежающейся лихорадкой, не имѣвшей никакого вліянія на ея болѣзнь; эту лихорадку намѣренно не устранили, такъ что она продолжалась до свѣтлаго дня. Дѣвушка не знала, что она нездорова и держала себя такъ, какъ будто съ ней вовсе не было никакого припадка. Лѣтомъ она обыкновенно уѣзжала съ родителями въ деревню; и для отѣзда выбирали дѣтскій день. На слѣдующій день при своемъ пробужденіи, она бывала очень удивлена перемѣной мѣста жительства и не знала, какъ это случилось“. (338).

Разнородные сознания въ этомъ случаѣ связываются и воспроизводятся, думаетъ Дюпрель, по общимъ законамъ ассоціаціи идей, при чёмъ представленія сомнамбулическаго сознанія такъ же механически связаны другъ съ другомъ, какъ и представленія бодрственнаго сознанія. На этой связи основано явленіе внезапнаго перерыва одного состоянія и впаденія въ другое. Такъ, напр., достаточно произнести наше имя, одно изъ центральныхъ представлений, съ которымъ связано наше обычное сознаніе, чтобы пробудить насъ не только отъ обыкновенного сна, но и отъ сомнамбулизма. Сильно занимающія насъ мысли и чувства, иногда лишающія насъ сна, обыкновенно и пробуждаютъ насъ отъ него, когда въ нашемъ сознаніи всплываетъ какое либо представліеніе, связанное съ ними. Точно также мгновенно наступаетъ состояніе сомнамбулизма, когда въ здравомъ состояніи сомнамбулы возникаетъ какое либо представліеніе, тѣсно связанное съ его сомнамбулическимъ сознаніемъ, напр., часть, назначенный магнетизеромъ сомнамбуль для выполненія того или другаго приказанія. Поэтому всякое напоминаніе сомнамбуль о чёмъ либо произшедшемъ въ его сомнамбулическомъ состояніи повергаетъ его снова въ это состояніе. Отсюда лица, пользующіяся, напр., въ качествѣ магнетизеровъ и врачей ясновидѣніемъ сомнамбуль, какъ изъ собственнаго опыта, такъ и изъ предписаній самихъ сомнамбуль выводятъ правило, чтобы окружающіе поддерживали въ сомнамбулахъ не смѣшанно и раздѣльно оба состоянія: нормальное и сомнамбулическое, т. е. чтобы не нарушили послѣдняго никакими напоминаніями и указаніями, соотвѣтствующими первому и наоборотъ вели съ ними себя во время нормального состоянія такъ, какъ будто они всегда были въ немъ. Эта предосторожность необходима какъ ради здоровья и спокойствія сомнамбуль, такъ и для болѣе сильнаго проявленія ихъ сомнамбулистическихъ способностей.

Самымъ сильнымъ аргументомъ существованія трансцендентальнаго сознанія, по Дюпрелю, служитъ то, что только имъ могутъ быть объяснены факты способности воспоминанія, необъяснимые изъ чувственнаго сознанія. Материалистическая гипотеза слѣдовъ въ мозгу, не говоря уже о томъ нельзя помѣстить ея слѣдствіи, что послѣдними носителями ихъ должны быть атомы углерода, азота

и т. и., еще могла бы какъ либо объяснить репродукцію, или впливаніе вновь представленія въ сознаніи, но никакимъ образомъ не можетъ объяснить ихъ воспоминаніе или признаніе (Wiedererkennen), ибо это совершенно различная понятія. Воспоминаніе возможно только при сравненіи воспроизведенаго съ прежнимъ и при сужденіи, что воспроизведенное есть прежнее. Этотъ актъ сравненія и сужденія и совершается, по Дюпрелю, единою душою при посредствѣ какъ чувственного сознанія, которое наполнено настоящимъ представлениемъ, такъ и трансцендентальнаго, которое сохраняетъ прежнее и признаетъ за таковое.

Это понятіе воспоминаніе дополняется его коррелятивомъ, понятіемъ забвенія. Забвение, по Дюпрелю, вовсе не есть уничтоженіе представленія, ибо тогда невозможно было бы его воспроизведеніе; оно также не есть превращеніе его въ состояніе несознаваемости, ибо тогда было бы непонятно, какъ оно становится опять сознательнымъ. Оно становится безсознательнымъ только относительно, а именно для нашего обычного, чувственного сознанія и переходитъ въ сознаніе трансцендентальное, а потому и не перестаетъ быть сознаваемымъ и тѣмъ же самымъ субъектомъ, въ его трансцендентальномъ бытіи. Эти отношенія Дюпрель поясняетъ сравненіемъ отношенія солнца и неподвижной звѣзды: свѣтъ звѣзды не перестаетъ быть свѣтомъ, когда свѣтить солнце, но только становится невидимымъ (сознаніе трансцендентальное есть все таки само по себѣ сознаніе, но не обнаруживается при чувственномъ); но какъ скоро солнце перестаетъ свѣтить, то является и свѣтъ звѣзды (сознаніе трансцендентальное обнаруживается при прекращеніи чувственного). Но оба сознанія принадлежать одному и тому же субъекту, подобно тому, какъ солнце и звѣзда могли бы образовать двойную звѣзду и двигаться вокругъ одного общаго центра.

И такъ, заключимъ мы словами Дюпреля его теорію воспоминанія и забвенія, „не представленіе становится безсознательнымъ, но становится не сознаваемымъ по отношенію къ нему одно изъ двухъ лицъ нашего субъекта, именно я обычного сознанія. Воспоминаніе и забвение существуютъ только для чувственного сознанія. То, что мы забываемъ, вовсе не уничтожается, какъ представ-

ление; то, что мы вспоминаемъ, не производится вновь, какъ представление, но только переходитъ въ чувственное сознаніе". (377).

Теперь перейдемъ къ метафизическимъ выводамъ Дюпреля, занимающимъ болѣе трети книги. Это, по нашему, слабая часть книги; такъ какъ многочисленныя повторенія уже указанныхъ фактъ и далѣе постоянныя отступленія въ исторію философії съ патанутыми ея толкованіями составляютъ весьма шаткую основу для выводовъ, которые поэтому и кажутся простыми утвержденіями или мнѣніями автора; а потому мы и ограничимся только самымъ общимъ изложеніемъ ихъ.

Человѣкъ, какъ и всякая другая біологическая порода, съ точки зрѣнія дарвиновой теоріи развитія, имѣеть двоякія свойства: одними онъ обращенъ къ прошедшему, другія же суть какъ бы пророческіе зародыши будущей біологической ступени, въ которой они и получатъ полное развитіе и станутъ нормою, тогда какъ теперь представляютъ нѣчто аномальное, не имѣющее значенія для жизни при настоящихъ условіяхъ. Такими пророческими зачатками можно считать способности, обнаруживаемыя человѣкомъ въ соннамбулизмѣ, или, иначе говоря, „мистическія явленія душевной жизни суть антиципації“ (390) біологического процесса, который въ будущемъ осуществится на землѣ и который уже осуществленъ на другихъ небесныхъ тѣлахъ.

Эти явленія, наблюдаемыя въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, суть выраженіе дѣятельности трансцендентального субъекта, который отдѣленъ, какъ уже было выше указано, отъ чувственного субъекта тѣмъ, что онъ не ограниченъ „напіми органами познанія, чувствами и мозгомъ“.

Дѣятельности обоихъ субъектовъ стоятъ, по Дюпрелю, даже въ антагонизмѣ, какъ по времени, такъ и по содержанію. Трансцендентальный субъектъ обнаруживается тогда, когда чувственный бездѣйствуетъ, и далѣе вся исторія мистики, въ основѣ которой, по Дюпрелю, всегда лежитъ соннамбулизмъ, показываетъ, что трансцендентальный субъектъ гораздо выше и по способу познаній, и по чувствованіямъ и по направленію воли, которая отличается нравственнымъ характеромъ. Трансцендентальный субъектъ свободенъ отъ границъ нашей чувственности и, сообщаясь непо-

средственно съ міромъ вещей самихъ въ себѣ, обладаетъ интуитивнымъ, непосредственнымъ созерцаніемъ ихъ связи; онъ равнодушенъ къ счастію или несчастію земной жизни и не только не страшится страданій и мученичества, но радуется имъ, какъ средствамъ для нравственнаго совершенства *).

Но эта раздѣльность и даже антагонизмъ ни сколько не исключаетъ связи между обоими субъектами и возможности воздействиія со стороны трансцендентального на чувственный, потому что оба субъекта суть *собственно одинъ и тотъ же субъектъ*; различие же между ними есть различіе *лицъ*, при чемъ трансцендентальное лицо составляетъ основу и причину чувственнаго. Ясновидящее въ сомнамбулизмѣ представление строенія организма, причинъ на него воздействиіяющіхъ и цѣлительныхъ средствъ доказываетъ, по Дюпрелю, то, что трансцендентальный субъектъ „образуетъ нашъ чувственный организмъ и опредѣляетъ его функции, пользуясь для того свойствами и законами матеріи, какъ средствами“ (409, 413). Но кромѣ того тотъ же субъектъ своими внутренніями воздействиіемъ на чувственный субъектъ, безсознательно для него, въ области мышленія, искусства и нравственности. Даже любовь, по Дюпрелю, есть внушеніе трансцендентального субъекта, который имѣеть въ виду путемъ наслѣдственности способствовать біологическому укрѣплению и усовершенствованію не только рода вообще, но и индивидуальныхъ свойствъ родителей (**).

*) Все это обосновано у Дюпреля отчасти по показаніямъ сомнамбуль, отчасти на фактахъ аскетизма, мученичества, экстаза и т. под., отчасти на свидѣтельствахъ различныхъ философовъ древности и новаго времени, которые въ разнообразныхъ формахъ и выраженіяхъ различали въ человѣкѣ двойную натуру: чувственную и умственную, земную и божественную, эгоистическую и моральную, вообще низшую и высшую.

(**) Эта теорія любви у Дюпреля весьма не ясна, ибо нельзя решить, кто внушаетъ любовь двумъ чувственнымъ лицамъ родителей, ихъ ли трансцендентальные субъекты, или трансцендентальный субъектъ будущаго новорожденного. Въ отдѣлѣ, трактующемъ объ этомъ предметѣ, есть данные и за то, и за другое. Что же касается опять до воп-

Трансцендентальний суб'єктъ есть корень нашей личности и индивидуальности и существуетъ до нея, одновременно съ нею и послѣ ея уничтоженія въ смерти. Онъ и есть настоящая наша бессмертная душа, которую однако, по Дюпрелю, нельзя представлять чистымъ духомъ, вѣчно тождественнымъ самому себѣ. Трансцендентальний суб'єктъ развивается посредствомъ „ряда существованій“, а потому послѣ смерти своего чувственного лица продолжаетъ существовать въ новой, высшей формѣ, съ новою организаціею, съ иною чувственностью, въ иной матеріи и въ иномъ трансцендентальному относительно нась мірѣ, ибо каждой организаціи соответствуетъ свой особый міръ. Эту новую организацію суб'єктъ изберетъ точно также свободно, какъ свободно избрана имъ и теперешня земная съ цѣлью дальнѣйшаго усовершенствованія. По этому не безмысленно наше существование въ нашей юдоли плача и страданій; оно есть средство для лучшей, высшей жизни въ дальнѣйшихъ воплощеніяхъ трансцендентального суб'єкта. Соответственно этимъ возрѣніямъ бессмертие души не можетъ быть разсматриваемо ни *спиритуалистически*, т. е., что она по смерти тѣла становится чистымъ духомъ, ни *пантеистически*, т. е., что она сливаются съ единую субстанцію міра; но его должно понимать въ смыслѣ *палиненезії*, т. е., перерожденія въ новый родъ существованія. Сколько можно заключить изъ нѣкоторыхъ не совсѣмъ ясныхъ мѣстъ (напр., на стр. 478), Дюпрель не допускаетъ, чтобы этотъ процессъ перерожденія шелъ въ бесконечность, хотя остается неопределеннымъ, съ достижениемъ какой цѣли онъ долженъ прекратиться.

Точно также неопределенно отношение человѣка и трансцендентального суб'єкта къ цѣлу міру. Дюпрель несомнѣнно признаетъ кромѣ трансцендентального суб'єкта еще трансцендентный (конечно, съ нашей точки зрѣнія) существа, съ которыми нашъ трансцендентальный суб'єктъ находится въ прямыхъ отношеніяхъ, а кромѣ того еще и единую міровую субстанцію, связывающую всѣ роса, который изъ тѣхъ же трансцендентальныхъ субъектовъ образуетъ „строеніе организма и его функцій“, напр., въ утробѣ матернѣй, то Дюпрель и вовсе не затрагиваетъ этого щекотливаго предмета.

эти трансцендентные существа. Въ чёмъ заключаются прямыя отношения трансцендентныхъ существъ другъ къ другу и какъ играеть свою связующую роль единая субстанція, объ этомъ Дюпрель не даетъ определенного понятія. Наставая и, по нашему, основательно на томъ, что человѣкъ не можетъ быть изолированнымъ вмѣстѣ съ земной планетой отъ остального космоса и указывая на возможность какихъ либо сношений между нами, земными жителями, и обитателями другихъ небесныхъ тѣлъ, Дюпрель, по видимому, возлагаетъ надежды на эти будущія сношения для обстоятельного разрѣшенія вопросовъ о нашемъ положеніи и о нашей послѣдней судьбѣ въ цѣломъ мірѣ. (См. стр. 498 и слѣд.).

Теперь мы къ сдѣланному изложению содержанія книги Дюпреля присоединимъ наши замѣчанія. Во первыхъ факты представляющіе, по автору, область мистики, на столько цѣлесообразно, съ точки зрѣнія его теорій, выбраны Дюпрелемъ изъ необозримой по объему литературы, систематически расположены и обобщены, и живо изложены, что увлекаютъ въ пользу этихъ теорій. Нельзя не согласиться съ его основательными упреками ученымъ специалистамъ въ игнорированіи и огульномъ отрицаніи фактovъ, потому только что они не могли войти въ рамки господствующихъ мнѣній и теорій. Но однако это отрицательное отношение уже отошло въ область прошедшаго; и въ настоящее время патентованная наука обратила на нихъ полное вниманіе и подвергла ихъ даже экспериментальному изслѣдованию подъ именемъ гипнотизма. По этому, намъ кажется, следовало бы Дюпрелю и другимъ сторонникамъ реальности этихъ фактovъ подождать результатовъ этихъ изслѣдований, чтобы сдѣлать какіе либо рѣшительные выводы. Мы думаемъ, что даже если бы этими изслѣдованіями и вполнѣ подтвердились обобщенія, дѣлаемыя Дюпрелемъ (напр., о двойственности лицъ сознанія, о выступленіи одного сознанія при исчезновеніи другаго, о повышеніи интенсивности памяти во снѣ и сомнамбулизмѣ и т. под.), то и тогда построеніе цѣлыхъ психологическихъ и тѣмъ болѣе метафизическихъ теорій на однихъ только мистическихъ фактахъ *) было бы дѣломъ весьма рискованнымъ.

*) Кромѣ того мы должны замѣтить, что Дюпрель употребляетъ въ слишкомъ разширенномъ и не точномъ значеніи терминъ: мистика.

Какъ бы то ни было, но и самъ авторъ считаетъ ихъ все таки явленіями *анормальными*; слѣдовательно, основанная только на нихъ метафизическая гипотеза, всегда имѣющая своею задачею объяснить *всѣ явленія сознаній*, не можетъ внушать никакого довѣрія и тѣмъ болѣе, что совершенно не рѣшено вопросъ о томъ, въ какую сторону явленія аномальны, выше ли они нормы, или ниже, по крайней мѣрѣ, фактъ, приведенный нами (стр. 70) о большой ванъ-деръ-Колька свидѣтельствуетъ за то, что аномальное состояніе (дѣтскіе дни), ниже нормы. Что касается до насъ то, имѣя въ виду помѣстить въ слѣдующемъ номерѣ „Ф. Т.“ статью о современномъ состояніи вопроса о гипнотизмѣ, мы кстати скажемъ и о значеніи фактовъ сомнамбулизма для психологіи и философіи,

Дюпрель, по собственному его сознанію, примыкаетъ къ Шопенгауеру, (объ отличіи его отъ Шопенгауера и отъ Гартмана сказано выше), но главнымъ образомъ онъ считаетъ себя вполнѣ солидарнымъ съ Гелленбахомъ, труды и воззрѣнія котораго ставитъ весьма высоко. Но мы, съ своей стороны, признавая полное тождество ихъ философіи, полагаемъ, что одна и также точка зрѣнія и система выражены и поставлены у Дюпредя лучше, чѣмъ у Гелленбаха. Особенно цѣнны и остроумны у Дюпредя, человѣка многосторонняго по своимъ познаніямъ, частная замѣчанія о вопросахъ и понятіяхъ изъ разныхъ областей знанія и возбуждающія мысль аналогіи и сближенія весьма отдаленныхъ другъ отъ друга предметовъ. Замѣчательна также энергія, съ которой Дюпредель при всякомъ встрѣчающемся къ тому поводѣ вскрываетъ ограниченность и односторонность материализма, господствующаго въ общемъ направленіи умовъ и специально у людей, занимающихся естествовѣденіемъ. Всѣ эти хорошия стороны книги Дюпредя, къ сожалѣнію, не могли быть обнаружены въ нашемъ очень сжатомъ обзорѣ.

Подъ этимъ терминомъ нужно разумѣть направленіе, которое критерій истины видитъ только въ *непосредственной данности* познаваемаго міра вообще и высшаго міра въ частности чувству и умственному созерцанію. Явленія, изслѣдуемые Дюпредлемъ, не всецѣло, а только въ значительной части подходить подъ терминъ мистики.

томъ ея изложениі. Но не смотря на все это, система Дюпредя не только не свободна отъ общихъ затрудненій, съ которыми сопряжена метафизика *плурализма*, но и отъ специальныхъ промаховъ и впаденія въ произволъ и фантастику. Такъ какъ недостатки системы Дюпредя тѣ же самые, что и у Гелленбаха, и такъ какъ, по поводу двухъ вышедшихъ на русскомъ языке сочиненій Гелленбаха, мы въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ помѣстимъ критическую статью о всей системѣ Гелленбаха, то тамъ же кстати пайдетъ свою оценку и система Дюпредя.

Теперь же мы сдѣлаемъ замѣчаніе относительно двухъ пунктовъ ученія Дюпредя: а именно, о двойномъ сознаніи и лицѣ и о преимуществахъ сознанія и лица трансцендентального надъ чувственнымъ.

Дюпредль, по нашему, легко отнесся къ понятію сознанія, какъ будто ему неизвѣстно, что это одно изъ труднѣйшихъ и наименѣе выработанныхъ понятій въ психологіи и философіи. Прежде, чѣмъ дѣлить понятіе сознанія по его различіямъ, слѣдовало бы опредѣлить или изложить его элементы вообще, такъ какъ въ настоящее время дѣло стоитъ такъ, что чуть не каждый философъ или психологъ опредѣляетъ его различно, а нѣкоторые считаютъ его даже и совсѣмъ неопредѣлимымъ, какъ одинъ изъ первоначальныхъ неразложимыхъ фактovъ. Даѣе Дюпредль долженъ былъ бы особо и систематически указать на основаніе, или на признакъ сознанія, по которому оно вообще можетъ распасться на виды и по которому оно специально распадается на трансцендентальное и чувственное *). Наконецъ онъ принимаетъ тождественность *субъекта*

*) Замѣтимъ еще, что терминъ: чувственное, предполагаетъ фальшивую мысль, что это сознаніе вполнѣ происходитъ отъ чувствъ и никакихъ другихъ элементовъ, кроме чувственныхъ, въ основѣ не имѣть; въ этомъ отношеніи Дюпредль, какъ бы не замѣчая того, становится на точку зрѣнія сенсуализма, а такъ какъ этотъ послѣдній всегда ведеть къ материализму, то и на точку зрѣнія материализма, который онъ сознательно отвергаетъ. Въ качествѣ кантіанца и шопенгауеріанца Дюпредль не долженъ называть обычное наше сознаніе чувственнымъ, ибо

при различії *лицъ* за такую просту вещь, которая будто не требуетъ никакихъ объясненій для ея возможности, между тѣмъ какъ разъ здѣсь скрывается тоже самое затрудненіе, какое признается, напр., въ религіозныхъ *тайнахъ* единаго Бога при троичности лицъ, или единаго существа при двойственности лицъ І. Христа и т. под.

Мы находимъ, что Дюпурль не представилъ никакого существенного основанія, которое оправдывало бы дѣленіе сознанія на трансцендентальное и чувственное. По составу оба сознанія одинаковы: обоимъ одинаково принадлежать функціи ощущенія, представлениія, мышленія, чувствованія и хотѣнія; мы не видимъ, чтобы у сомнамбуль, напр., были какія либо лишніе роды и виды ощущенія, чтобы имъ извѣстны были какія либо цвѣта, звуки или запахи, которыхъ мы не знаемъ, или чтобы у нихъ были, напр., особые законы мышленія, формы сужденій, роды чувствованій, словомъ, чтобы ихъ психологія была различною отъ общечеловѣческой психологіи. Далѣе указываемое различіе, состоящее въ томъ, что между обоими сознаніями не существуетъ связи черезъ воспоминаніе, не можетъ служить основаніемъ для отнесенія ихъ къ различнымъ родамъ, ибо на этомъ основаніи сознаніе зрѣлаго возраста, не имѣющее никакихъ воспоминаній изъ сознанія первыхъ лѣтъ дѣтства, было бы трансцендентальнымъ для него, а старческое сознаніе, иногда абсолютно не сохраняющее никакихъ воспоминаній изъ сознанія зрѣлаго возраста, было бы трансцендентальнымъ для этого послѣдняго. Точно также не можетъ служить такимъ основаніемъ различіе содержаній обоихъ сознаній, ибо и въ области „чувственного сознанія“ такое различіе въ разное время есть вещь самая обычная. Напр., чиновникъ въ иные моменты своей служебной дѣятельности не имѣть въ сознаніи рѣшительно ничего, что относится къ нему какъ къ отцу семейства, какъ человѣку определенныхъ религіозныхъ, философскихъ воззрѣній, или такой—то политической партіи, или какъ страстному любителю какого либо особаго развлеченія,

долженъ признать въ немъ за первоначальные, не выводимые изъ чувственности, и интеллектуальные элементы, напр., идеи пространства, времени, причинности и т. под.

напр., какъ театралу, картежнику и т. п. Если принимать въ разсчетъ различіе содерянія сознанія во времени для установки различія сознающихъ лицъ, то нужно было бы признавать не два, а множество лицъ. Если кто либо скажетъ, что такая изолированность и исключительность содерянія въ области обычнаго сознанія бываетъ въ теченіи очень короткаго времени, то на это мы отвѣтимъ, что количество времени ничего не значитъ для опредѣленія временныхъ состояній. Человѣкъ можетъ быть очень краткое время въ состояніи сознанія, поведшаго его къ преступленію, а между тѣмъ оно всетаки было безнравственнымъ, преступнымъ сознаніемъ. Наконецъ фактъ распаденія на два лица въ трансцендентальномъ сознаніи, вовсе не составляетъ его исключительной принадлежности, ибо и для обычнаго сознанія этотъ фактъ не рѣдко существуетъ, такъ какъ очень часто мы, напр., какъ бы въ одномъ лицѣ дѣлаемъ какое либо дѣло, (изворачиваемся, убѣждаемъ, лжемъ, особенно обманываемъ самихъ себя и т. п.), а въ другомъ лицѣ критически оцѣниваемъ свою дѣятельность, любуясь, одобряя или же осуждая ее. Но однако въ этихъ случаяхъ говорить о двухъ лицахъ можно только метафорически; на самомъ же дѣлѣ сохраняется полное сознаніе о тождествѣ лицъ.

Наконецъ невозможность устанавливаемаго Дюпрелемъ различія сознаній, по нашему, вытекаетъ изъ его понятія объ одномъ субъектѣ, одновременно лежащемъ въ основѣ и того, и другаго сознанія. Если оба они, по Дюпрелю, производятся дѣятельностью одного мыслящаго и хотящаго субъекта, то совершенно непостижимо, какимъ образомъ онъ не сознавалъ бы и ту, и другую, какъ свою же дѣятельность, или одну сознавалъ бы своею, а другую совсѣмъ не сознавалъ такою. Напр., совершенно невозможно было бы, чтобы трансцендентальный субъектъ держалъ въ своемъ сознаніи, по учению Дюпреля (см. выше стр. 71 и слѣд.), всѣ ощущенія и представленія чувственного субъекта, не сознавая того, что эти представленія принадлежать ему же, созданы его же особою, обусловленною чувственностью, представляющей и опущающей дѣятельность. Самъ Дюпрель говоритъ, что трансцендентальный субъектъ совершаєтъ актъ сужденія, въ которомъ прежнее признается прежнимъ (выше, стр. 72); но это сужденіе было бы совершенно невозможно, если бы

судящій субъектъ не признавалъ себя тождественнымъ сть имѣвшимъ представлениe, т. е., не представлялъ бы себя однимъ и тѣмъ же лицомъ. Дюпрелевское мнѣніе совершенно аналогично тому, какъ если бы кто либо утверждалъ, что актеръ не сознаетъ того, что онъ самъ же дѣлаетъ, говоритъ, мимируетъ все относящееся къ изображаемымъ имъ ролямъ. Очевидно, что актеръ вовсе не распадается на два чуждыя другъ другу лица, и что для него различеніе того, что относится къ нему и что относится къ создаваемому имъ лицу роли, только и возможно благодаря акту единаго сознанія, въ которомъ онъ, актеръ, и ставитъ условія для своей дѣятельности въ созданіи лица роли и дѣйствуетъ для выполненія этихъ условій.

Наконецъ произвольно также утвержденіе Дюпреля, что трансцендентальный субъектъ выше обычнаго по своей дѣятельности, какъ будто вся наша наука, искусство, индустрія, различные формы общественной жизни, наконецъ величія дѣла въ разныхъ отношеніяхъ великихъ людей созданы людьми въ сомнамбулизмѣ, наркозѣ, снѣ, опьяненіи, сумашествіи, эпилепсіи, истерикѣ и т. под., состояніяхъ, въ которыхъ, по преимуществу, обнаруживается трансцендентальный субъектъ. Напротивъ, едва ли кто усомнится, что всего чаще въ этихъ состояніяхъ совершается не только безмыслие и пошлое, но даже дикое и мерзкое. Мы считаемъ безполезнымъ опровергать подробно мнѣніе Дюпреля о преимуществахъ трансцендентального сознанія надъ обычнымъ и замѣтимъ только, что одно, его же собственное и весьма важное, показаніе противорѣчить этому мнѣнію. Вѣдь, органъ этого сознанія не головной мозгъ, служацій органомъ обычному сознанію, а гангліозная система; а известно, что эта система, единственная у низшихъ животныхъ, служитъ нервнымъ органомъ не высшихъ, а низшихъ отправленій жизни.

Впрочемъ, мы, какъ сказано выше, еще разъ возвратимся къ этому предмету.